

*Свидетельства воинов
о помощи Божьей
на войне*

СЕРГЕЙ ГАЛИЦКИЙ
**ИЗ СМЕРТИ
В ЖИЗНЬ...**

Войны и судьбы

Сергей Галицкий

Из смерти в жизнь...

Войны и судьбы

«Галицкий С.Г.»

2017

Галицкий С. Г.

Из смерти в жизнь... Войны и судьбы / С. Г. Галицкий —
«Галицкий С.Г.», 2017

ISBN 978-5-4380-0175-1

В 5-й книге «Из смерти в жизнь... войны и судьбы» рассказывается о военных судьбах наших современников. На войне им пришлось преодолеть невероятные испытания. Кому-то выпал ужас плена и штрафбата, кому-то – война с немецкими егерями в горах Кавказа, кто-то встал насмерть на пути прорыва банды террористов. Никто из героев книги не поддался страху, не сдался и не отступил. Кто-то черпал силы в верности долгу и присяге, кто-то молился, как мог, Богу, за кого-то молились его родители...

ISBN 978-5-4380-0175-1

© Галицкий С. Г., 2017

© Галицкий С.Г., 2017

Содержание

Предисловие	5
Полковник Смирнов	6
Война. Начало	8
Оборона Ленинграда	9
Тбилиси	13
Севастополь	16
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Галицкий Сергей Геннадьевич

Из смерти в жизнь. Войны и судьбы

Предисловие

Война необратимо меняет судьбу человека и оставляет неизгладимый отпечаток в душе любого, даже самого, казалось бы, сильного воина. Никто не возвращается домой прежним.

На войне людям часто приходится действовать в ситуациях, когда хороших решений просто нет – есть решения только плохие и очень плохие... При этом часто отложить принятие решения бывает просто невозможно – счёт времени идёт на секунды.

В этой книге о своих военных судьбах рассказывают люди, боевой путь которых был длинным и очень сложным. Боевые эпизоды, в которых им приходилось действовать не только на пределе своих сил, но и выходить за их границы, у каждого исчисляются сотнями.

Так, например, полковник медицинской службы Михаил Андреевич Смирнов курсантом оказался в военном строю под Ленинградом в самый первый день войны 22 июня 1941 года, а закончил войну в её последний день – 9 мая – в Дрездене. Но до этого была оборона Севастополя, контузия, плен, концлагерь, сыпной тиф, переход фронта и возвращение к своим в... штрафбат. Потом смертельная атака, в которой из двухсот сорока штрафников выжили только тридцать шесть, затем реабилитация и снова фронт.

Для Героя России полковника Владимира Недобежкина его война начиналась с миротворческих операций в конце 80-х годов прошлого века во время армяно-азербайджанского конфликта, а закончилась только в 2000-х годах во время Второй чеченской военной кампании. Разведка путей ввода федеральных войск в Грозный в декабре 1994 года, непосредственное участие в страшном Первом штурме Грозного в январе 1995 года, смертельный бой с прорывающимися боевиками Салмана Радиева под селом Первомайское в январе 1996 года, участие в трёх штурмах Бамута...

Я считаю, что личный военный опыт героев этой книги бесценен. Ведь всем им удалось достойно отвоевать, не запятнав свои руки и душу. А на войне это сделать очень сложно! Иногда было жутко слушать некоторые их рассказы – буквально теряешься от неумолимости страшной логики безвыходных, по существу, ситуаций. На войне такие обстоятельства вдруг наваливаются на человека, намертво вцепляясь в него, не оставляя ему никакого выбора.

Героям книги удалось преодолеть тяжелейшие испытания. Каждый сделал это по-своему. Кто-то черпал силы в верности долгу и присяге, кто-то молился, как мог, Богу. За кого-то молились его родители...

Военные судьбы героев книги по-настоящему многое могут нас научить понимать. И, в первую очередь, главное: на самой страшной войне можно выжить, остаться людьми и дойти до победы. А потом ещё они и вернулись к нормальной жизни, не дав войне догнать и разрушить их уже на гражданке. К сожалению, так часто бывает. Я много раз сталкивался с тем, что люди, выжившие на войне, затем нелепо погибали в мирной жизни, когда всё самое страшное, казалось бы, осталось уже позади.

Давайте будем помнить всех, кому выпала судьба оказаться на передовой, и кто сумел в самых невероятных обстоятельствах выжить и победить; внимательно вслушиваться в их пронзительно-искренние, без малейшего пафоса, рассказы и рассказывать своим детям и внукам о военных судьбах этих людей. Ведь к ним полностью подходят слова поэта Николая Тихонова: «Гвозди бы делать из этих людей, крепче бы не было в мире гвоздей».

Сергей Галицкий

Полковник Смирнов

Полковнику Михаилу Андреевичу Смирнову сейчас далеко за девяносто лет. На войне ему привелось испытать всё: горечь поражений первого года войны, тяжесть фашистского плена, ужас штрафного батальона и радость Великой Победы.

В июне-июле 1941 года в составе курсантской бригады военфельдшер Михаил Смирнов участвовал в обороне Ленинграда, в 1942 году шесть месяцев был в числе защитников Севастополя. После контузии он оказался в колонне военнопленных и прошёл через фашистские концентрационные лагеря от Крыма до Днепропетровска. В плену перенёс сыпной тиф. В 1944 году бежал из плена и под Винницей перешёл линию фронта. Был разжалован в штрафной батальон рядовым. После лобовой атаки на немецкие позиции, в которой из двухсот сорока штрафников выжили только тридцать шесть, был восстановлен в звании и должности. Продолжал участвовать в боях на территории Польши, Германии, Чехословакии до самого дня Победы...

Сейчас, по прошествии стольких лет, Михаил Андреевич может ответить на вопрос: почему так счастливо сложилась его военная судьба. Ведь за всё это время он не получил сколько-нибудь серьёзного ранения. Столько людей вокруг него погибло, а он оставался живым! Ответ простой: всю войну за него молилась Богу его мама, Мария Дмитриевна. И Михаил Андреевич абсолютно уверен, что именно благодаря её материнским молитвам он вернулся домой живым. Михаил Андреевич вспоминает, что когда он вернулся с войны, то мама ему всё время говорила: «Миша, тебя спас Бог. Я за тебя молилась». Конечно, она понимала, что в советской стране молодому офицеру трудно быть верующим. Поэтому так наставляла сына: «Я понимаю, ты комсомолец. Можешь верить в Бога, можешь не верить. Но ты никогда не возводи хулу на Бога». И этот её наказ Михаил Андреевич выполнил. А через какое-то время и сам стал захаживать в церковь, думая: «От этого хуже не будет».

И ещё об одном хочется вспомнить. Смирнов – одна из наиболее распространенных русских фамилий. Почему так получилось? В многодетной крестьянской семье тихие, некрикливые дети были большим облегчением для родителей. Это редкое для малых ребят качество запечатлевалось в прозвище СмирнОй. Оно часто становилось главным именем человека на всю жизнь. Вот так от смиренных пошли Смирновы.

Трудно себе представить, что должен пережить фронтовой фельдшер, через руки которого первыми проходят и раненые, и убитые. И именно он играет решающую роль в том, останется жить раненый или умрёт. И какие качества характера должны быть у того, через чьи руки прошли тысячи, а может, и больше десяти тысяч раненых? Как не очерстветь, не стать безразличным к чужому горю, не сникнуть под напором бескрайнего горя страдающих людей? Только смирение может помочь пережить то, что выпало на долю фронтового фельдшера, узника немецких концлагерей, рядового штрафного батальона, а после реабилитации – офицера советской армии Михаила Андреевича Смирнова. Вся его судьба является доказательством истины: «Бог гордым противится, а смиренным даёт благодать» (1 Пет. 5:5).

Рассказывает полковник медицинской службы Михаил Андреевич Смирнов:

– Война застала меня в летнем лагере. 19 июня 1941 года мы, курсанты Ленинградского медицинского училища имени Н. Щорса, приехали в Красное Село в летний лагерь на сборы. Стали обустриваться: ставили палатки, готовили помещение клуба. Ведь в воскресенье 22 июня 1941 года, в наш первый выходной день, в лагере должен был быть праздничный вечер: большой концерт, новый фильм, танцы. Обещали приехать родные, девушки... Я ждал родителей – знал, что мама должна привезти пирожки.

В воскресенье 22 июня можно было поспать на час подольше. Всё-таки выходной. Физзарядки нет. Можно было не спешить, спокойно помыться и готовиться к завтраку. И потом – много свободного времени до самого обеда! Ни построений тебе, ни нарядов...

Мы с товарищем решили уйти куда-нибудь подальше от начальства, там позагорать вволю и, если удастся, выспаться на свежем воздухе. На краю стадиона, где в это время кто-то из наших уже гонял мяч, мы с другом расстелили на траве одеяла и сладко заснули...

Война. Начало

Нас разбудила необычная тишина. На стадионе было безлюдно. Тогда мы пошли в сторону палаток, надеясь, что встретим по пути кого-нибудь из ребят и расспросим, что случилось. Но навстречу никто не попался. Впечатление было такое, будто во всём лагере мы с другом остались одни...

На линейках перед палатками увидели сокурсников! Станным показалось, что они стояли в строю с винтовками, в полном снаряжении. Я ещё тогда подумал: «Ну вот, тревогу не вовремя придумали!». Командир отделения для порядка нас отругал и приказал быстрее переобмундироваться и вставать в строй.

Что же случилось?! Никто из нас не понимал, почему так внезапно была объявлена тревога. Обычно обо всех якобы внезапных тревогах мы знали заранее. А так, по-настоящему неожиданно, нас подняли в первый раз.

Перед строем расхаживал очень сосредоточенный и серьёзный помкомвзвода. Спросили его, но он тоже ничего не знал. Стали ждать лейтенанта. Воскресное настроение уже было окончательно испорчено, ничего приятного никто уже не ждал. Так и вышло: пришли командиры и объявили, что нам предстоит длительный марш! Необходимо ещё раз проверить снаряжение, подогнать обмундирование и (что удивило особенно!) получить боеприпасы.

Бывшие учебные группы переименовались в стрелковые взводы, был произведён боевой расчёт. Я был назначен стрелком-наблюдателем. На несколько минут нас отпустили по своим делам. Я, помню, успел купить конфеты-леденцы (считалось, что сахар поддерживает силы на марше), положил их в подсумки вместо патронов. А сами патроны, которые на тот момент мне казались совершенно ненужными, я аккуратно переложил в вещевой мешок. (Кстати, леденцы мне действительно помогли: весь пятнадцатикилометровый марш я прошёл удачно, не растеряв силы.)

Вышли из лагеря. У переезда увидели, что пришла очередная электричка из Ленинграда. На платформу из неё высыпали толпы желающих провести выходной день на природе. Мне показалось, что среди отдыхающих я увидел и своих родителей. (Потом уже я узнал, что они действительно приезжали этим поездом и видели колонны проходивших мимо курсантов.)

В одиннадцать утра на опушке леса на очередном привале открылся короткий митинг, где замполит сообщил нам о начавшейся войне. Я хорошо помню, что тогда никто из нас ни на минуту не подумал, что война будет длительной и тяжёлой. Ну месяца два-три, не более того... Во всех выступлениях прозвучала полная уверенность в скорой победе и что воевать будем на территории врага и скоро войдём в Берлин.

Помню, как сразу же у всех нас, восемнадцатилетних мальчишек, появилось желание как можно быстрее попасть на фронт. Некоторые стали вслух мечтать об орденах. Другие жалели, что мы можем опоздать и не попасть вовремя на фронт, и тогда победные лавры достанутся другим. Рядом со мной стоял парнишка по фамилии Осипов. Я ему говорю: «Женька, а знаешь: я обязательно буду в Берлине и вернусь домой с орденом!». Слова эти мои, брошенные в порыве чувств, оказались пророческими: в Берлине я действительно побывал. И не один раз. Но если бы я хоть на секунду тогда мог предположить, каким тяжёлым и страшным будет этот долгий путь...

Оборона Ленинграда

В лесу приказали строить шалаши. Потом нас разбили на группы. Выдали сухой паёк. Разожгли костры. Запахло подгорелой кашей. Стали ужинать и у костра активно рассуждать о своей будущей героической военной судьбе. В Ленинграде в конце июня – белые ночи. Но в лесу стало темнеть. Нам приказали погасить костры, чтобы не демаскировать наше размещение. Никакой атаки ниоткуда мы даже в мыслях не допускали. Хотя нет, была всё же атака! Нас нещадно атаковали комары.

Но откуда-то постепенно пришло осознание, что война – это не кино, не песни про войну и не детские игры в войнушку. Анекдоты и шутки внезапно прекратились. Но на смену им появились вопросы. Как долго продлится в лесу наше ожидание чего-либо? Когда и в каком качестве мы попадём на фронт? И зачем вообще нас вывели из лагеря, если граница далеко!

Первая ночь в лесу прошла спокойно. Утром умывались, поливая друг друга из котелков. Почистили винтовки, укрепили шалаши на случай дождя, помыли сапоги и стали готовиться к завтраку. Перед завтраком замполит собрал нас и сообщил о неудачах на фронтах. Это был первый звоночек. Вот тебе и бои на территории противника!.. Но для себя мы первые неудачи на фронтах объясняли как связанные с внезапностью нападения заранее отмотобилизованных фашистских армий. Тут же были зачитаны приказы о предательстве некоторых военачальников, что отрицательно повлияло на ход боевых операций. Мы верили всему. В то время мы вообще доверяли любой информации от командования, да и газетной тоже.

Прошло пять или шесть дней. К нам наконец в лес приехали преподаватели из училища. Начались занятия по конкретным темам, необходимым на войне: по военно-полевой хирургии, инфекционным болезням, санитарной тактике. Главное внимание преподаватели уделяли отработке практических навыков, необходимых при оказании первой помощи пострадавшим именно на поле боя. Обучали навыкам эвакуации раненых. Здесь же, в поле, мы вели конспекты. Стало понятно, что теперь у нас всё будет по-другому – никаких учебников и библиотек. Единственное учебное пособие – собственные записи.

Занимались все добросовестно, с энтузиазмом. Иногда казалось, что за эти несколько дней мы осилим весь двухгодичный курс училища. Мучили неотвязные мысли: присвоят ли нам звания досрочно или назначат санинструкторами и пошлют на передовую. А может быть, просто сформируют курсантскую бригаду, как это было с курсантами пехотного училища имени Кирова.

Внезапно объявили сбор, приказали разобрать шалаши, убрать территорию. И вот мы снова идём в неизвестность... Потом оказалось, что мы просто возвращаемся в стационарный лагерь. Вернулись, кажется, домой... Но бывшего благоустроенного палаточного городка уже не узнали: палаток не было, шлагбаум снят, убраны все наглядные пособия, когда-то сделанные нашими руками. Клумбы затоптаны, цветы подзавяли, ветер разносил старые порванные газеты и мусор по линейкам и дорожкам разорённого лагеря...

Оставались в лагере недолго. Сразу же после ужина колонной пошли на погрузку в эшелон. Состав стоял без паровоза. Стали гадать, в какую сторону нас повезут. Если на запад – значит, пошлют курсантской бригадой на фронт, а если на восток – то в училище, в Ленинград. Тогда мы смогли бы увидеться с родными (ленинградцев в нашем взводе было большинство). Подали паровоз и повезли в сторону Ленинграда. Однако в город мы так и не попали. По окружной дороге эшелон двинулся по Карельскому перешейку в сторону финской границы. Остановились на реке Вуоксе, станция Квинимиemi (сейчас Лосево). Выгрузились и маршем двинулись на восток.

Об активных боевых действиях на финской границе в газетах ничего не писали. Похоже, что фронт там оставался стабильным, хотя было известно, что финны вступили в войну против

нас одновременно с Германией. Однако 29 июня 1941 года боевые действия и здесь всё-таки начались.

Вначале мы шли вдоль Вуоксы, потом перешли её через полуразрушенный мост. На ближайшем холме был объявлен привал. Попозже поставлена задача: рыть окопы и строить дзоты. Сначала было непонятно, почему именно здесь понадобилось строить укрепления, ведь до границы с Финляндией отсюда целых сорок девять километров!

Территория, по которой мы шли и где теперь должны были строить укрепления, до 1940 года была финской. Повсюду были видны следы только что закончившейся войны. На месте бывших хуторов торчали одни обгоревшие трубы, фундаменты разбитых домов и сараев. Сады заброшены. А в рощах стояли голые стволы деревьев, аккуратно подрезанные артиллерийскими снарядами, словно гигантскими ножницами. И мёртвая тишина вокруг... Мы не встретили ни одного человека: финны ушли вместе со своими войсками в соответствии с договором о перемирии 1940 года, а наши переселенцы заселить эти места ещё не успели.

Приступили к строительству укреплений. Нашему взводу предстояло отрыть окопы в полный профиль по всей возвышенности. Другие стали строить дзоты, валили лес, катили огромные валуны. Старались изо всех сил: ведь теперь это не учения, а боевая задача! С непривычки быстро устали. Тут нам, горожанам-ленинградцам, здорово помогли те ребята, которые до поступления в училище прошли срочную службу. (Конечно, между нами, городскими мальчишками, и ими, парнями, отслужившими срочную службу рядовыми, была огромная разница.)

Спали прямо на земле, подстелив еловые лапы и накинув на них плащ-палатку и шинель. Спали по трое, как нам подсказали бывалые солдаты. Вроде было лето, но по ночам было прохладно.

3 июля 1941 года по радио выступил Сталин. По этому поводу у нас состоялся митинг. Как же тяжело стало на душе... Конечно, мы что-то знали о наших неудачах на фронтах. Всё ещё считали их временными и случайными: мол, у нас ещё не полностью отмобилизована армия, не все предприятия переведены на военные рельсы... Но слова Сталина выдавали явную тревогу. И как бы в подтверждение сказанному мы слышали артиллерийскую канонаду со стороны финской границы!

До сих пор мы не знали, в каком качестве нам придётся воевать: присвоят ли нам офицерские звания или мы будем военфельдшерами. Ну не должны же пропасть даром занятия, которые проводились в лесу! А может быть, всё-таки пошлют в составе курсантской бригады? Главной мыслью было: почему мы топчемся здесь, в тылу, когда на всех фронтах идут кровопролитные бои? Нам было уже всё равно в каком качестве пойти на фронт, лишь бы не оставаться здесь рыть окопы.

Однажды высоко в небе пролетел самолёт, по силуэту и звуку которого мы определили, что самолет вражеский. Летел он в сторону Ленинграда. И вдруг, к нашей радости, из-за леса вынырнул наш истребитель! Догнал немца, выпустил ему в хвост пулемётную очередь и, не дожидаясь результатов, так же внезапно исчез. За немецким самолётом потянулся огромный шлейф дыма, он резко пошёл на снижение и упал где-то неподалеку. Как же мы были счастливы! Ура советским соколам!.. Настроение сразу поднялось.

На Карельском перешейке мы оставались недолго. Через шесть дней, закончив строительство укреплений, походной колонной мы вышли в направлении Ленинграда. Шли только ночью. Через тридцать пять километров нас встретила автоколонна. В тот же день, уже на грузовых машинах, мы прибыли в училище. Это было 6 июля 1941 года.

Пообедали, погрузились на те же грузовики с газогенераторными двигателями. Не успели выехать из города, как на Московском проспекте наша машина зачихала и встала. Пока шофёр копался в моторе, мы успели сбегать в магазин – запастись конфетами и печеньем. Ведь отправлялись мы опять неизвестно куда и на какое время. Наконец шофёр машину отремонтировал.

Мы двинулись дальше с черепашей скоростью, примерно десять километров в час. Газогенераторы дымили вовсю... Прохожие, глядя на такую нашу военную технику, посмеивались. Но провожали одобрительными взглядами – всё-таки защитники едут!

Мы отстали от основной колонны и дальше ехали одни. Доехали почти до Луги. Но когда до города осталось несколько километров, оказалось, что мы едем не в том направлении. Наш командир стал спрашивать у местных жителей, где дорога на Любань. Оказалось: либо мы должны вернуться в Ленинград, либо искать какую-то заброшенную просёлочную дорогу напрямик. (Если бы с самого начала наш взводный спросил у нас, ленинградцев, как доехать до Любани, мы бы ему сказали. Но маршрут нашего следования был военной тайной...) Дорогу, конечно, нам показали, хотя предупредили, что проехать нашему грузовику там будет трудно.

Поехали. Выяснилось, что у нас заканчивается топливо (топили обыкновенными деревянными чурками). Пришлось у местных жителей одолжить немного дров и напилить их до необходимых размеров. Газогенераторы снова задымили.

Все устали и вскоре заснули. Как оказалось – вместе с шофёром и лейтенантом... Пришли в себя, когда машина съехала в кювет и опрокинулась на бок. Но из-за малой скорости отделались ушибами и царапинами. Не пострадала и машина: на руках поставили её вновь на дорогу.

В Любани нас никто не ждал. В конце концов лейтенант всё-таки получил какие-то распоряжения. Только стали выезжать из посёлка – нашу колонну атаковали три немецких самолёта! Они резко пошли на снижение, открыли огонь из пулемётов, сбросили несколько бомб и улетели. Но отстрелялись и отбомбились немцы мимо, никого из нас не задело. Это было моё первое боевое крещение.

В районе Любани мы несли дозорную службу: охраняли железную дорогу. Была попытка поймать диверсантов, которых якобы недавно забросили на парашютах в эти места. В нашем взводе никто никого не поймал. Хотя один из курсантов рассказал, что в районе железной дороги заметил диверсанта и сразу же открыл по нему огонь, но диверсант благополучно скрылся...

4 августа мы вернулись в Ленинград. Училище готовилось к эвакуации вместе с курсантами, зачисленными на первый курс в мае 1941 года. Нельзя сказать, что в училище царил полный хаос. Но чистоты и порядка, которыми училище всегда отличалось, уже не было. Занятия давно прекратились, и во дворе редко кого можно было встретить. Исчезли все наши военные преподаватели. Бывшие строевые офицеры – командиры рот и взводов – ушли на фронт. Их частично заменили военфельдшеры, окончившие училище в 1940 году. Но и их мы видели редко. Чаще других к нам подходили первокурсники. Их интересовало, где мы были, видели ли немцев, куда получим распределение... Но уже через день их эвакуировали за Урал.

На следующий день нас построили перед главным корпусом и зачитали нам приказ главного Сталина об окончании училища и присвоении нам офицерского звания «военфельдшер». Не дожидаясь, пока выдадут офицерское обмундирование, я побежал домой. Мне очень хотелось встретиться с родными! С начала войны я дома ещё не был. На первый взгляд, у нас на Дегтярной мало что изменилось: меня вкусно покормили, разговоры вели самые что ни на есть мирные. Просто перед отправкой на фронт никто не хотел меня расстраивать.

Когда я утром вернулся в училище, все ребята уже были переобмундированы. Мне достались самые большие по размеру брюки и гимнастёрка. Когда я их примерил, то пояс брюк доходил мне до подмышек, а ворот гимнастёрки застёгивался на середине груди. Рукава пришлось сильно подгибать, чтобы из них были видны руки. Но менять обмундирование было не на что! Поменяли только сапоги – они достались мне разных размеров и оба на одну ногу. Во взводе я был самым тощим. Могу только представить, насколько карикатурно я выглядел. Но это не мешало мне прогуляться по Невскому и сфотографироваться в офицерской форме в фотоателье на Садовой улице.

Ленинград в августе 1941 года ещё не был прифронтовым городом. Но приближение фронта явственно ощущалось: витрины магазинов заложены мешками с песком, повсюду развешены патриотические плакаты: «Родина-мать зовёт!», «Отстоим наш Ленинград!». Я даже задумался: неужели на самом деле придётся его отстаивать? И всё-таки тогда это казалось нереальным: магазины торговали ещё без карточек, можно было купить и продукты, и конфеты, и соль, и спички. Работали театры и кино. Помню, 17 августа я пошёл в театр Музкомедии на спектакль «Роз-Мари». (Театр Музкомедии функционировал всю войну и даже в блокаду.)

Народу в городе стало заметно меньше. В основном оставались женщины, дети, старики. Люди были угрюмыми, озабоченными. Все куда-то спешили. Казалось: город превратился в огромную сжатую пружину в ожидании тяжких испытаний. Но никто тогда и не мог предположить, что испытания окажутся настолько страшными – девятьсот дней блокады...

Днём 18 августа 1941 года я уезжал с Московского вокзала. Уговорил родителей меня не провожать – стеснялся перед товарищами, которые ехали со мной (многие из них не были ленинградцами, их никто не провожал). Стеснялся я того, что мама, отправляя сына на войну, конечно, не удержится от слёз. А мне за неё будет стыдно...

Поезд отошёл точно по расписанию. Но на этом точность и закончилась. Мы двигались очень медленно, часто стояли на полустанках. Утром оказались лишь в пятидесяти километрах от станции Мга, ведь основная магистраль Ленинград – Москва уже была перерезана немцами. До столицы добирались окружным путём, через станцию Санково. В Москве оказались только через пять суток, а до Тбилиси добирались потом ещё четыре дня.

Тбилиси

27 августа 1941 года. Мы в столице Грузии! Сквозь окна вагонов мы видели, что чем ближе поезд подъезжал к Кавказу, тем меньше чувствовалось присутствие войны. Тбилиси оказался спокойным мирным городом с ярко освещёнными улицами. Нарядно одетые люди спешили по своим делам.

Может быть, всё, что я увидел в Тбилиси, было и в других крупных тыловых городах, но я помню свои чувства при этом: война, оказывается, коснулась не всех... Особенно врезался в память такой эпизод: у здания госпиталя остановились несколько автобусов с ранеными. Горожане равнодушно проходили мимо. Никто из них не интересовался судьбой несчастных. А я помнил, как в Ленинграде во время финской кампании автобусы с ранеными окружали люди! Каждый старался чем-то помочь, спрашивали, из каких они мест родом, не надо ли передать что-либо родным...

В Тбилиси должна была формироваться наша 386-я стрелковая дивизия. Но формирование только-только начиналось. У нас было много свободного времени. Я решил посмотреть город.

Тбилиси стоит на реке Кура, по берегам реки – старинные кварталы. Своими корнями город уходит в глубокую древность. Сохранилось много памятников. Это прежде всего бани на Майдане (горячая вода с большим процентом серы поступает прямо из-под земли). Я бродил по величественному проспекту Руставели с красивыми современными постройками, дворцами, замечательным оперным театром имени Палиашвили, Русским драматическим театром имени Грибоедова, Домом правительства... Неподалёку – пантеон с могилой и надгробием А.С. Грибоедова и его жены, княгини Нины Чавчавадзе.

Жили мы не в казарме, а в общежитии на улице Марра. Из открытых окон жилого дома напротив очень часто слышалась игра на фортепиано. Скоро я познакомился и с исполнительницей! Оказалось, что это очень милая черноволосая молоденькая грузинка. Я сразу же в неё влюбился! Перестал бродить по городу с ребятами и каждую свободную минуту слушал игру фортепиано из дома напротив. (Запомнилось мне больше всего танго Оскара Строка «Скажите, почему...», которое она пела и сама себе аккомпанировала. Я его люблю и даже иногда слушаю до сих пор.)

Однажды девушка вышла на балкон и заметила, что я её слушаю. Пригласила к себе. Звали её Этери. Мы много времени проводили вместе. Однажды Этери попросила меня остаться с ней здесь, в Тбилиси. Говорила, что с помощью её отца меня могли бы демобилизовать «по болезни». И не надо будет тогда мне ехать ни на какой фронт. Я не спросил, кто её отец, но заходить к ней перестал. Больше мы с ней не виделись...

Вскоре началось непосредственное формирование частей и подразделений дивизии. Наш 772-й полк стоял в предместье Тбилиси, поэтому в городе мы теперь бывали редко. Ежедневно поступало пополнение – жители кавказских республик, мобилизованные через военкоматы, в основном были азербайджанцы и грузины. С ними нам, медикам, забот было полно. Люди приходили из далёких аулов. Многие не знали русского языка. Некоторые были вообще неграмотными.

Почти сразу стало ясно, что вояки они ещё те... В огромном количестве появились симулянты. По текущему распорядку для амбулаторных больных отводилось полтора часа, а число желающих попасть к доктору всегда было больше сотни человек, а иногда – значительно больше сотни. (Ближе к моей двери обычно стояли те, которым медицинская помощь была меньше всего нужна. Они отталкивали настоящих больных, чтобы успеть зайти ко мне в первую очередь.) Был даже такой случай: как-то я сам задержался и вовремя не успел зайти в свой медпункт. Подхожу – солдаты стоят около дверей просто стеной! Пробриться через эту

огромную толпу, как ни старался, я так и не смог. Но меня узнали, закричали: «Дохтор идёт! Пустите – дохтор идёт!». Понимают, что мне сорок-пятьдесят человек невозможно принять за полтора часа. В тот день приём у меня растянулся почти на весь день.

Как они у меня просили, чтобы я их от фронта освободил! Чего только ни придумывали! Как-то вижу – один на четвереньках передвигается. Спрашиваю: «А ты чего так ходишь?». – «А, савсем нэ магу болше никак ходить, встат нэ магу...». А что я, фельдшер батальона, мог с такими «больными» сделать? Надо честно признаться, что в медицине в то время я понимал немного... А если учесть, что объяснения с больными из-за незнания языка велись жестами, то можно представить моё положение. Приходилось отправлять таких «больных» в госпиталь в Тбилиси.

Начались расстройства желудочно-кишечного тракта. Такие случаи я выявлял и некоторых больных отправлял в госпиталь. А вдруг это дизентерия? И когда наши кавказские горесолдаты узнали, что этим способом можно открутиться от фронта, то чуть ли не каждый пятый стал страдать расстройством желудка. Способ простой – они ели хозяйственное мыло. Но распознать обман легко, я-то знаю, что при дизентерии в стуле должна быть кровь. Прошло какое-то время, и «больные» это тоже узнали: они поняли, что если есть кровь в анализе, то такой больной точно попадает в госпиталь! Поэтому вдобавок к мылу они стали щепками расцарапывать себе задний проход, чтобы в стуле кровь-таки появилась. На что угодно готовы были пойти, чтобы только попасть в госпиталь и не поехать на фронт. Вот такая «бравая» формировалась наша «дикая дивизия»...

Особенно тяжело приходилось строевым командирам. В большинстве своём это были русские или украинцы. Каково им было заниматься боевой подготовкой с людьми, которые и не знали русского языка, и совершенно не желали служить? Политработники были в основном кавказцами. Наверное, и им приходилось нелегко. Ведь хотелось и земляков своих защитить, и в то же время хоть как-то подготовить часть к боевым действиям. Командованию было всё равно, как мы справимся с этим сбродом, им нужны были бойцы: нас ждал фронт...

25 ноября 1941 года поездом мы уехали из Тбилиси. На следующий день в небольшом городке Зугдиди нас выгрузили из эшелона. Мы совершили марш тридцать пять километров до Анаклии, курорта на берегу Чёрного моря, после чего нас разместили в помещении бывшего Дома отдыха.

Погода стояла для этих мест холодная – моросил дождь, было ветрено. Но сады стояли ещё зелёные. Для меня тогда было в диковинку, что лимоны растут на деревьях! Кое-где ещё не были сняты мандарины. И почти в каждом доме – своё натуральное сухое вино. Его местные жители продавали нам по пять рублей за литр. Тогда я впервые в жизни его попробовал. Вино это мне не понравилось – оно было слишком кислое.

Здесь наше «войско» обучали ещё месяц. А 25 декабря 1941 года начался марш в порт Поти. Туда мы пришли 29 декабря. В тот же день нас погрузили на теплоход «Абхазия», и мы сразу вышли в море. Путь следования нам не объявили, но было ясно, что идём в Крым. И по всей вероятности – в Севастополь...

О военных действиях в Севастополе я тогда имел очень смутное представление. Да и вообще, как из политинформаций и газет можно было правильно оценить обстановку на фронтах? А бои за главную базу Черноморского флота в конце 1941 года шли ожесточённые и кровопролитные. К тому времени немцы уже заняли весь Крым, кроме самого Севастополя и его окрестностей. Отборные части гитлеровцев под командованием фельдмаршала Манштейна уже более двух месяцев топтались у Севастополя.

Выйдя в море, мы сразу попали в шторм. Громадные волны раскачивали нашу посудину так, что казалось: она вот-вот перевернётся! Вся наша сухопутная братия, в том числе и я, были наповал сражены морской болезнью. Мы постоянно выбегали на палубу, несмотря на то, что

находиться там во время шторма было категорически запрещено: легко могло смыть за борт. И тогда ищи-свищи человека среди громадных волн!

Я мучился особенно сильно. Моряки посоветовали мне спуститься в трюм, где качка меньше. Я спустился. Но в трюме мне посоветовали наоборот – подняться на палубу, дескать, там ветерок освежит. Я бегал то вниз, то вверх, то вниз, то вверх, но легче не становилось... И тут я понял, что это так моряки подшучивают над пехотой. Я добрался до своей каюты, лёг на койку, перестал есть и пить. И стал ждать, когда же этот ужас кончится сам собой...

В море мы были трое суток: шли осторожно, постоянно ожидая налёта вражеской авиации или нападения подводных лодок. Наконец в новогоднюю ночь подошли к Севастопольской бухте. Меня уговорили распатронить медицинское имущество и использовать спирт в немедицинских целях. Все пили, смачно закусывали сухим пайком. Я же ни есть, ни пить не мог – всё никак не мог отойти от морской болезни.

Севастополь

Город почти полностью был погружён в темноту – с моря практически не виден. Постоянно слышались разрывы артиллерийских снарядов. Разгрузка техники и выгрузка личного состава шли чётко и организованно: несмотря на кромешную тьму, не мелькнуло ни единого огонька. Нас построили в походные колонны и через город повели к передовой. Орудийная стрельба стала слышна отчётливей, был даже слышен полёт тяжёлых снарядов, мелькали вспышки от взрывов. Это стреляла наша корабельная артиллерия.

Через два часа наша часть спустилась к Инкерманской долине, недалеко от Чёрной речки объявили привал. Ещё более отчётливо стал слышен бой: трещали пулемётные очереди, слышались взрывы гранат. Стало жутко от мысли, что очень скоро мы окажемся в том самом месте, где этот бой идёт... Но дальше мы не пошли – было приказано срочно рыть землянки и располагаться на кратковременный отдых.

Рытьё землянок оказалось делом нелёгким: стояла очень холодная для Крыма погода. Кругом лежал снег, температура была около двадцати градусов мороза. Рукавицы и зимнее обмундирование были далеко не у всех. Да и наши кавказские бойцы не были готовы к таким морозам. Сразу же появились обмороженные. Мне в первую же ночь пришлось оказывать им медицинскую помощь и эвакуировать в тыл. (У меня тоже не было зимнего обмундирования – когда его выдавали на Кавказе, мне об этом сообщить забыли. А когда я спохватился и пришёл на склад, то тёплых вещей там уже не осталось. Так и приехал воевать в двадцатиградусный мороз без телогрейки, перчаток и в пилоточке...)

Полноценную землянку выкопать никому не удалось: слишком много было снега, и земля промёрзла очень глубоко. Но мы всё-таки сумели отрыть какую-то яму, сделали примитивное укрытие и попытались разжечь костёр. Так, в холоде, в дыму, прижавшись друг к другу, немного поспали до рассвета.

Утром нам показалось, что бой на передовой немного поутих. Я продолжал заниматься поступавшими обмороженными. Их количество стало быстро увеличиваться! Причём обморожена у большинства из них оказывалась почему-то только левая рука. Я никак не мог понять почему... Но кто-то из командиров меня быстро просветил: дело в том, что некоторые наши горе-солдаты держали руку в снегу до тех пор, пока у них не появлялись признаки обморожения 2-й степени...

Следующей ночью в районе посёлка Инкерман у высоты Сахарная Головка мы сменили 2-й батальон 25-й Чапаевской дивизии. Батальону чапаевцев удалось задержать продвижение немцев. Но батальон был очень сильно потрепан. К Новому году фронт относительно стабилизировался, и замена подразделений прошла без потерь.

Как только мы приняли фронт, солдатики-кавказцы по ночам группами стали переходить к немцам. По девять человек в день, по пять человек... И уже на той стороне, от немцев, орут остальным: «Слюшай, пэрэходы к нам!...». Как-то мне говорят: «Товарищ лейтенант, сегодня убили старшину роты из нашего батальона». (Старшинами были украинцы или русские. Младшие командиры в основном тоже.) Оказалось, что старшина, чтобы хоть как-то задержать дезертиров, ночью спрятался почти что на нейтральной полосе. И как только очередная партия дезертиров побежала к немцам, он попытался их остановить. Так они старшину застрелили и всё равно к немцам перебежали!

Сразу же появилось очень много самострелов. Я их быстро научился определять. Когда стреляют сами себе в левую ладошку, вокруг раны остаётся след от пороховых газов. Но через некоторое время этот след исчезает. И в госпитале, где такой самострел осматривают через какое-то время, этого знака уже нет. А у меня-то при первом осмотре эта обгорелость видна!

Поэтому пишу: «Приникающее ранение левой руки». И ставлю две буквы – «СС». Самострел...

Самострелы были не только среди кавказцев. Но среди наших таких было единицы, и их после короткого следствия расстреливали. А среди кавказцев-то самострелов было полно! Но их не расстреливали. Нам говорили: они – несчастные люди, их надо воспитывать...

В самом начале я решил, что для более рациональной работы по оказанию помощи раненым мне следует развернуть медпункт подальше от переднего края. Поэтому в соответствии с Уставом я выбрал место для развёртывания батальонного медицинского пункта в селе Новые Шули. Это примерно в полутора километрах от переднего края. Но почти сразу убедился, что не всем уставам и наставлениям стоит слепо следовать: война вносит свои коррективы. Оказалось, что моя помощь более всего нужна именно на поле боя. Ведь некоторые раненые не могут перенести даже небольшую транспортировку. Вдобавок оказалось, что противник хорошо пристрелялся к Новым Шулям. При малейшем передвижении сразу начинался обстрел. Так что об эвакуации раненых с передовой в дневное время нечего было и думать.

Мне часто приходилось одному ходить от своего пункта до передовой и ночью, и днём. Когда мы заняли передовые позиции, фронт несколько стабилизировался. Это мою бдительность и притупило. Да и вообще мне и в голову не приходило, что в прифронтовой зоне на меня могут напасть. Об этом мне напомнил комбат, когда в очередной раз я прибыл для доклада в штаб. Он обратил на меня внимание из-за моего внешнего вида. Выглядел я действительно достаточно странно: без портупеи, в гражданском свитере, но в начищенных до блеска хромовых сапогах! Очень мало был похож на офицера Красной армии. (Только потом я сообразил, что это была неплохая маскировка при моих перемещениях к передовой.) А вдобавок комбат узнал, что я ещё и безоружен! Тут же мне выдали штык от десятизарядной винтовки. (Когда я взял его в руки, то чётко понял, что даже если на меня нападут, я не смогу зарезать человека...) В дополнение к штыку мне дали пару гранат.

Со штыком и гранатами я проходил несколько дней. Потом медпункт передислоцировали в район штаба батальона, где для него подготовили хорошую землянку. Отсюда до передовой было намного ближе. Я стал бывать в траншеях ежедневно, а иногда и по несколько раз в день. Штык и гранаты больше с собой не брал... Вместо них мне выдали пистолет.

В Севастополе нам каждый день давали фронтовые сто граммов. Но я же водку не пил, понятия не имел, что это такое. Санитары приносят: «Товарищ лейтенант, вот ваши сто граммов». – «Я не пью». – «А можно я выпью?». – «Можно». И стали они делить между собой мои сто граммов. Иногда даже препирались между собой: «Я сегодня пью лейтенантские!». – «Нет, я!». И вот как-то приходят ко мне в недоумении: «Товарищ лейтенант, що цэ такэ? Шо нам вмэсто горилки дали? Шапу... Шипу...». Я догадался: «Шампанское?». – «Да, да, да...». Но они его в жизни никогда не пили и даже названия не знали. Я тоже его не пил никогда. Говорю: «Ребята, вы что? Это же хороший напиток, его буржуазия пила!». Те: «Раз буржуазия пила, лейтенанту первому и нальём». Стали открывать бутылку, она почему-то была без этикетки. Никак не могут открыть. Крутили-крутили – она как стрельнёт! Всё содержимое вылетело. Ездовый, ему лет пятьдесят было, говорит: «Хлопче, следующую не так будем открывать. Подождите». Пошёл и принёс ведро, из которого он лошадь поил. Пшикнуло шампанское в ведро, но пена, конечно, не вылилась. Из ведра уже в кружку налили. И, конечно, первую кружку – лейтенанту. А это было сухое шампанское, кислое-прекислое (видимо, брют). Я-то ожидал другого вкуса, думал, что оно будет сладкое. Сморщился – чего в нём хорошего? А солдаты смотрят на меня и спрашивают: «Товарищ лейтенант, вы нас обманывали? Вы тоже не пили его никогда?». Так никто из нас это шампанское и не стал пить...

Мы находились на передовой уже несколько недель. Но ни одного живого «фрица» я так и не видел. Поэтому, проходя по окопам, надолго задерживался около солдат и вместе с ними вёл наблюдение за передним краем обороны немцев. Уж очень хотелось мне увидеть их поближе!

Один раз мне даже дали поохотиться на гитлеровцев со снайперской винтовкой. В оптический прицел я увидел перебегающего немца, выстрелил – немец больше в прицеле не появился. И снайпер торжественно уверил меня в том, что я тоже открыл свой счёт!..

Пока позволяла обстановка, мы продолжали благоустраиваться. Отрыли ещё одну землянку. Там после оказания необходимой помощи собирали раненых перед эвакуацией их в тыл. Оттуда, с передовой-то, мне стало раненых эвакуировать проще. А вот туда, в тыл, эвакуация, наоборот, усложнилась. Дорога назад хорошо просматривалась противником, потому транспорт в дневное время двигаться по ней не мог. Ждали ночи. Но временами за день скапливалось много раненых, некоторым из них требовалась квалифицированная помощь, которую я, естественно, оказать не мог. Приходилось поддерживать их жизнь постоянным введением сердечных средств, перевязками, противошоковыми инъекциями.

Была и ещё одна трудность. Раненых приходилось таскать на руках. У меня во взводе была лошадь, самая тщедушная во всём батальоне. Она была в состоянии таскать только одну маленькую повозку, точнее – двуколку. А вот держать лошадь оказалось негде! Пришлось отправить лошадку в хозвзвод. Позже она всё же сослужила службу, когда батальон передислоцировался. Лошадка перевозила наше скромное медицинское имущество.

Обстановка в начале 1942 года была относительно спокойной. Немцы не атаковали. Мы со своим войском тоже вперёд не шли. Я хожу время от времени спокойненько на передовую посмотреть, что у меня там делается: есть ли больные, раненые? Когда идёшь с тыла, то сначала не видишь ни землянок, ни окопов. Когда подходишь ближе, то прислушиваешься: отдельные выстрелы или их несколько подряд? Есть ли разрывы мин? Если есть – дальше идти в полный рост опасно. Надо лечь и уже ползти. А когда остаётся метров пятнадцать-двадцать, увидишь бугорок. Значит, там землянка. Обычно в траншеях я находил землянку командира роты или связистов, там первую помощь и оказывал.

Наша дивизия занимала оборону у высоты Безымянной. Немцы сидели на высоте спокойно, не атаковали. Только их снайперы искали, как бы какого-нибудь зазевавшегося солдата стрелнуть. Шла одна такая более или менее спокойная неделя. А мы же как настраиваем себя: если нет стрельбы, то чего же бояться? Иду как-то к передовой по грязи. Местность ровная, впереди меня – сопки. Осталось до переднего края метров сто. Вдруг слышу: чик, чик, чик... И грязь в метре от меня в стороны разлетается! Я понял, что снайпер бьёт именно в меня – ведь больше тут нет никого! Причём бьёт сверху, с сопки. Сопка была метрах в двухстах от меня.

Прятаться некуда... Я лёг и мгновенно вспомнил, что, по уставу, в таких случаях надо обязательно отползти в сторону. (Ведь в том месте, где ты лёг, снайпер тебя уже поджидает.) Я отползаю, встаю. Только пошёл – опять три пули прилетели! Слава Богу, опять мимо... Опять пришлось лечь. Я опять отполз, потом встал и добежал оставшиеся до наших позиций метров сто. (Я был комсомолец, и Бога поэтому на фронте до этого случая не вспоминал. Но когда снайпер первый раз по мне выстрелил, я как-то непроизвольно про себя вскрикнул: «Господи, помилуй!». Никогда этого раньше не говорил! Теперь я понимаю, что тогда это меня и спасло. Но тогда слова эти вырвались почти непроизвольно. Как будто мама в этот миг мне подсказала: «Мишенька, будь осторожнее! Бога вспомни!». Мама у меня была очень верующая. Вот так я первый раз в жизни обратился с молитвой к Господу Богу.)

В начале марта 1941 года после относительно спокойных трёх месяцев начались бои. Раненых стали приносить ко мне в тыл. Бегать к каждому стало уже невозможно. Я же единственный фельдшер – начальник медицинской службы батальона. В подчинении моём только один санинструктор и пять-шесть санитаров. А санитары – это солдаты, которые просто перетаскивают раненых. Но санинструкторы всё-таки проходили короткие курсы, где их учили раненых перевязывать. (Санинструктором у меня был очень толковый парень. Честный, смелый. До сих пор добрым словом его вспоминаю.)

Нашему командованию приказали выбить немцев. Но немцы-то сидят выше нас! И атаковать мы их должны, соответственно, снизу вверх. Высота была небольшая, но насколько это невыгодно для нас, прекрасно понимал даже я, фельдшер, а командир батальона – уж тем более. Я как раз был у командного пункта, когда комбат получил приказ атаковать немцев. Слышу, как он говорит по телефону: «Товарищ полковник, это невозможно! Немцы на высоте, мы внизу. Ну что мы сможем сделать? Какая у нас техника? Две сорокопятки и всё...». А оттуда ему кричат: «Наступать!.. Взять!.. Доложить!..».

Деваться некуда. Приказ есть приказ... Комбат вызвал командиров рот и отдаёт им приказ: «В восемь часов утра начать наступление!». Те: «Да как мы будем наступать? Без артподготовки, вверх по склону?». Все понимали, что ползти придётся в гору, на которой немцы в течение нескольких месяцев строили укрепления.

Утром мы пошли... Немцы моментально стали стрелять из пулемётов, сразу появились раненые в большом количестве, убитые. Атака захлебнулась, толпы бойцов бегут обратно! Было очевидно, что наши кавказские джигиты не очень-то были воодушевлены представившейся им возможностью героически погибнуть за Родину. Так что ничего со штурмом высоты не получилось.

Комбат докладывает по телефону командиру полка: «Взять высоту невозможно. У нас очень много раненых, убитых...». Тот орёт (даже я это услышал): «Я тебе приказываю взять высоту!..». Мат, угрозы... Комбат из оставшихся солдат опять начинает собирать штурмовые группы. Готовятся, готовятся, поднимаются, бегут... Опять шквальный огонь сверху, опять раненые, опять убитые. И так продолжалось три дня и две ночи подряд...

Я уже так измотался, что по полю боя бегать не мог, раненые сами ко мне приползали или их приносили. Помощь им я оказывал даже не в землянке, а прямо на земле, за бугорком. Не было ни одной минуты спокойной. Вокруг меня писарь батальона всё время бегал, писал, писал... Это так ему приходилось вести учёт раненых: записывал фамилию, из какой роты. Мне, конечно, было не до этого. И в какой-то момент писарь говорит: «Товарищ лейтенант, больше раненых нет!». (Всего он насчитал двести семь раненых. По статистике, убитых в таких боях обычно бывало примерно половина от числа раненых. То есть за эти дни убитыми и ранеными мы потеряли половину батальона.) Тут я только и сообразил: я же не спал три дня и три ночи... (Странно, но вроде бы и спать особенно не хотелось.) Выключился я мгновенно. Писарь мне потом рассказал, что я где стоял, там упал на землю и заснул...

Высоту мы так и не взяли. Попытка овладеть хорошо укреплёнными позициями «на ура» и не могла привести к успеху. Тактически задача явно решалась неправильно. Я и тогда догадывался об этом, а окончательно понял это в последний период войны, когда мы наконец-то научились воевать и беречь людей.

Настроение у всех было ужасное: в этом бою многие потеряли хороших товарищей. Среди тяжелораненых был мой друг – лейтенант Лебединский. Ранен он был в живот. Его принесли на носилках минут через сорок-пятьдесят после начала наступления. Лежит абсолютно белый, как мел. Едва-едва отвечает на мои вопросы, постоянно стонет от боли и абсолютно безучастен ко всему вокруг. Я понимал, что до вечера, когда за ранеными прибудет транспорт, он не доживёт. Собрал почти всех своих санитаров-носильщиков и отправил его на носилках в тыл. Идти им надо было километра три. Позже санитары сказали, что Лебединский скончался. Как я расстроился!.. (Но чего только ни случалось на войне! Когда почти через сорок лет после войны я приехал в Севастополь на встречу ветеранов, то увидел его... живого!)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.